

О. И. Беляев

МГУ — ИЯз РАН, Москва

СОГЛАСОВАНИЕ СВЯЗКИ ПО КЛАССУ В КУБАЧИНСКОМ И АШТЫНСКОМ ДАРГИНСКОМ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПРОКСИМАТИВНО- ОБВИАТИВНОЙ СИСТЕМЫ

1. Введение¹

Даргинские языки представляют собой подгруппу нахско-дагестанских языков, распространённую в центральном Дагестане. Как и большинство языков этой семьи, даргинские языки характеризуются базовым порядком слов SOV, морфологической эргативностью и достаточно высокой морфологической сложностью. Другим свойством даргинских языков, типичным для Дагестана, является система именных классов. При этом эти языки существенно отличаются от других подгрупп своей ветви наличием также *личного* согласования глагола в финитных клаузах.

Личное и классное согласование в даргинских языках оформляются разными морфологическими показателями и регулируются отдельными наборами грамматических правил. Классное согласование на уровне клаузы контролируется актантом в абсолютивном падеже (S/P) вне зависимости от его синтаксической позиции или синтаксической роли. Контролёр личного согласования, напротив, выбирается из числа ядерных актантов (A, S и P) по сложным правилам, основанным преимущественно на личной иерархии ($2 > 1 > 3$ или $1, 2 > 3$, в зависимости от идиома).

Однако в некоторых языках даргинской группы общее правило классного согласования имеет одно исключение. А именно, вспомогательный глагол, если он содержит в себе классный показатель (чаще всего это глагол-связка), может согласовываться не только по абсолютивному актанту, но и по субъекту переход-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 14-18-02429 «Корпусные исследования предикатно-аргументной структуры предложения в нахско-дагестанских языках».

ного глагола. Аналогичное явление наблюдается для адвербиальных словоформ, согласующихся по классу (чаще всего — локативные формы эссива): в случае, если эти элементы находятся на левом или правом крае клаузы, они могут факультативно согласовываться по А-аргументу.

Насколько нам известно, впервые факт вариативного согласования вспомогательного глагола отмечен в грамматике кубачинского языка [Магомедов 1963], где оно описано в терминах действительного и страдательного залогов; тем самым, из изложения не очевидно, что мы имеем дело с нарушением общего правила классного согласования. Данный факт также отмечен Х. ван ден Берг в её очерке грамматики литературного даргинского [van den Berg 2001], где впервые согласование вспомогательного глагола связывается с топикальностью контролёра. Систематически это явление было впервые описано в работе [Сумбатова 2014] для тантынского диалекта. Там же предложено объяснение, которое схематически может быть представлено следующим образом. В даргинских языках клауза разделена на два уровня. На нижнем уровне находится смысловой глагол (как правило, в форме причастия или деепричастия) и все его поверхностные актантаы. На верхнем уровне находится вспомогательный глагол или личный показатель. Вспомогательный глагол имеет собственную аргументную структуру и собственную валентность на один абсолютивный актанта. Тем самым, в каждой даргинской клаузе, помимо собственно семантических ядерных актантаов предиката, имеется также дополнительный абсолютивный синтаксический актанта связки. Этот актанта всегда выражен нулевым местоимением (PRO); это PRO анафорически контролируется либо субъектом, либо прямым объектом нижнего уровня клаузы. Тем самым, имеет место обратный контроль: антацидент находится структурно ниже кореферентного ему прономинала, что нарушает принцип С теории связывания (Polinsky & Potsdam). Такой тип контроля в целом типичен для даргинских языков [Serdobolskaya 2010]. Вспомогательный глагол в такой конфигурации согласуется не с самими ядерными актантами, а со своим собственным абсолютивным аргументом. Периферийные наречия, согласующиеся по субъекту переходного глагола, также считаются относящимися к верхнему уровню клаузы и согласуются

именно по «верхнему» нулевому абсолютиву. Такая конфигурация позволяет не модифицировать общее правило классного согласования: во всех случаях его контролёром оказывается именно абсолютив.

Хотя анализ Н. Р. Сумбатовой призван описать достаточно частное явление даргинской грамматики, он делает ряд довольно нетривиальных предсказаний относительно других синтаксических явлений, связанных со структурой клаузы. Похожие явления «эргативного» согласования вспомогательного глагола и наречий наблюдаются и в других даргинских языках, не образующих какой-либо особенно тесной общности в рамках даргинской группы. Именно поэтому имеет смысл проверить гипотезу обратного контроля на материале других даргинских языков. Если она подтвердится, это будет дополнительным аргументом в пользу анализа Н. Р. Сумбатовой. Если же в других даргинских языках действуют иные синтаксические механизмы, это будет служить интересным примером развития поверхностно схожих грамматических структур при помощи разных формальных средств.

Одним из даргинских языков, в которых наблюдается обсуждаемое явление, является кубачинский². В настоящей статье будет рассмотрено классное согласование вспомогательных глаголов и «периферийных» наречий в этом языке, преимущественно на материале аштынского диалекта, но также с привлечением данных из текстов на собственно кубачинском варианте. Будет показано, что основные предсказания гипотезы обратного контроля в этом языке не выполняются, и она для его описания как

² По классификации [Коряков 2006], кубачинский и аштынский образуют отдельную группу внутри даргинской ветви языков; впрочем, по уточнённым данным (Ю. Б. Коряков, л. с.) они скорее являются диалектами одного языка. Тантынский же относится к т. н. гапшиминско-бутринскому языку, входящему в северодаргинскую группу, как один из говоров. Аналогичным образом, по С. М. Гасановой [Гасанова 1971: 38–39] аштынский является одним из говоров кубачинского диалекта, образующего отдельную диалектную группу «кубачинского типа», тогда как тантынский является одним из говоров цудахарского диалекта, который образует вместе с гапшиминским и усишинским диалектную группу «цудахарского типа». Тем самым, особой близости между тантынским и рассматриваемым в статье аштынским не наблюдается.

минимум избыточна. Я предложу альтернативное решение, в котором правила согласования не привязаны к конкретным морфологическим показателям, а конкуренция между двумя контролёрами классного согласования связки описывается путём расщепления третьего лица на два отдельных элемента иерархии: топикальное третье лицо («3») и нетопикальное третье лицо («3'»). Это позволяет сохранить «плоскую» структуру клаузы и оставить без существенных изменений правила согласования. Кроме того, подобное решение ставит даргинскую систему в один ряд с проксимативно-обвиативными системами, известными во многих языках мира.

Не обладая достаточно репрезентативными данными от носителей собственно кубачинского языка, я буду преимущественно опираться на аштынский диалект. Этот вариант кубачинского языка распространён в с. Ашты и с. Дирбаг Дахадаевского района. Считается, что жители с. Ашты переселились из с. Кубачи в XIV веке. Следует заметить, что, насколько можно судить по опубликованным текстам, обсуждаемые здесь грамматические черты в этих диалектах в целом идентичны. Кубачинские данные будут привлекаться в тех случаях, когда необходимы корпусные данные: по ряду причин, которые будут перечислены ниже, кубачинские тексты в этом отношении репрезентативнее аштынских.

2. Согласование в аштынском даргинском

2.1. Грамматический класс

Как и в других даргинских языках, в аштынском имеется три грамматических класса: мужской (I), женский (II) и неличный класс (III). Отнесение имён к этим классам полностью предсказуемо исходя из семантики. Во множественном числе различаются только класс лиц (мужской + женский) и неличный класс. Показатели согласования по грамматическому классу имеют во всех морфологических позициях одни и те же формы:

	ед. ч.	мн. ч.
муж.	<i>w</i>	<i>b</i>
жен.	<i>j</i>	
неличн.	<i>b</i>	<i>d</i>

Согласование по грамматическому классу наблюдается в следующих морфологических позициях³:

- префикс при большинстве глагольных основ, напр. *b-a:q'-aj* 'сделал(а)';
- суффикс в составе атрибутивного показателя *-zi-b*, напр. *q:ива-zi-w* 'красивый';
- префикс на некоторых прилагательных, напр. *j-uqna* 'старая';
- суффикс на эссивных локативных формах, напр. *wac'a-c:i-b* 'в лесу';
- префикс на некоторых наречиях или послелогах (в даргинских языках эти части речи систематически не различаются), напр. *b-uk:e* 'внутри'.

Атрибутивные формы (т. е. прилагательные с атрибутивным суффиксом или с согласовательным префиксом), как правило, согласуются с вершинами ИГ, в которую они входят. Элементы на уровне клаузы, т. е. глаголы, эссивные формы и наречия, содержащие классный показатель, согласуются по абсолютивному актанту⁴ (P/S):

- (1) *pat'imat j-id.až-i*
П. F-выйти.PFV-PRET.3
'Патимат вышла'.

³ Здесь и далее позиция классного показателя будет обозначаться символом *z*. Выбор символа обусловлен тем, что в дагестановедческой традиции принято при глоссировании отделять классный показатель при помощи знака равенства (=); соответствующим образом иногда обозначают и позицию для классного показателя при цитировании грамматических форм. Использование такого символа в современных типологически ориентированных работах не очень уместно, т. к. может вызвать у читателя ложное представление, что классные показатели являются клитиками. Поэтому в современных работах классные показатели чаще отделяются дефисом, как обычные префиксы или суффиксы. Однако из-за большого числа форм с позицией для классного показателя представляется разумным для краткости сохранить обозначение в модифицированном виде (*z*). Похожее решение принято в описании тантынского говора [Сумбатова, Ландер 2014], где используется символ =.

⁴ Абсолютив в большинстве случаев имеет нулевое выражение и, соответственно, не глоссируется.

- (2) *murad-li wac'a-c:i-j pat'imat j-us-aj*
 М.-ERG лес-INTER-F П. F-поймать.PFV-PRET.3
 'Мурад поймал **Патимат** в лесу'.

2.2. Лицо

Показатели личного согласования используются в большинстве независимых предложений и на некоторых зависимых формах. В кубачинском языке имеется несколько синтетических (морфологически связанных) наборов личных окончаний, а также один энклитический набор, который используется в сочетании с нефинитными глаголами для образования аналитических парадигм и с неглагольными предикатами. Энклитический набор различает единственное и множественное число только во 2 лице, причём показатель 2 л. мн. ч. совпадает с показателем 1 лица. Третье лицо, в зависимости от парадигмы, маркируется либо так называемой связкой *sa-b*, либо не маркировано. Для нас существенно, что в состав связки входит суффиксальный классный показатель.

	ед. ч.	мн. ч.
1		= <i>da</i>
2	= <i>di</i>	
3		= <i>saʒ</i>

Синтетические парадигмы в целом имеют одинаковую структуру: лицо и число маркируются агглютинативно в 1 и 2 лицах, но в 3 лице единственное и множественное число не противопоставлены. В аштынском наиболее часто употребляемым набором этого типа является набор окончаний претерита:

	ед. ч.	мн. ч.
1	- <i>d</i>	- <i>d-a</i>
2	- <i>t:i</i>	- <i>t:-a</i>
3		- <i>aj, -in, -i</i>

Личное согласование в аштынском языке является иерархическим и подчиняется общим закономерностям, описанным

в работе [Sumbatova 2011]. С описательной точки зрения, выбор контролёра подчиняется следующим правилам:

- в непереходных клаузах контролёром является единственный ядерный актанта глагола;
- в переходных клаузах контролёр выбирается между субъектом (А) и прямым объектом (Р):
 - $A = 3, P = 3 \rightarrow 3$
(если оба актанта — не локуторы, согласование происходит по 3 лицу)
 - $A = 1 / 2, P = 3 \rightarrow A$
(если агенс — локутор, пациенс — не локутор, согласование происходит по агенсу)
 - $A = 3, P = 1 / 2 \rightarrow P$
(если агенс — не локутор, пациенс — локутор, согласование происходит по пациенсу)
 - $A = 1 / 2, P = 1 / 2 \rightarrow P$
(если оба актанта — локуторы, согласование происходит по пациенсу)

Это распределение иллюстрируют следующие примеры (контролёр личного согласования обведён рамкой):

- (3) $\boxed{di-l}$ *murad us-a-d*
я-ERG M. [M]поймать.PFV-PRET-1
'Я поймал Мурада'.
($A = 1, P = 3 \rightarrow 1$: агенс — локутор, пациенс — не локутор, контролёр — агенс)
- (4) *murad-li* \boxed{du} *us-a-d*
M.-ERG я [M]поймать.PFV-PRET-1
'Мурад поймал **меня**'.
($A = 3, P = 1 \rightarrow 1$: агенс — не локутор, пациенс — локутор, контролёр — пациенс)
- (5) *di-l* \boxed{u} *us-a-t:i*
я-ERG ты [M]поймать.PFV-PRET-2
'Я **тебя** поймал'.
($A = 1, P = 2 \rightarrow 2$: агенс — локутор, пациенс — локутор, контролёр — пациенс)

- (6) *u-dil* du *us-a-d*
 ты-ERG я [М]поймать.PFV-PRET-1
 ‘Ты **меня** поймал’.
 (A = 2, P = 1 → 1: агенс — локутор, пациенс — локутор, контролёр — пациенс)
- (7) *murad-li* rasu *us-aj*
 М.-ERG Р. [М]поймать.PFV-PRET.3
 ‘**Мурад** поймал **Расула**’.
 (A = 3, P = 3 → 3: агенс — не локутор, пациенс — не локутор, согласование по 3 лицу)

Обобщая, можно сказать, что личное согласование в аш-тынском регулируется двумя иерархиями: личной (1, 2 > 3) и иерархией грамматических отношений (OBJ > SUBJ), с доминированием первой. То есть, в общем случае, согласование контролирует актанта с наивысшим рангом на личной иерархии; если и подлежащее, и прямой объект имеют один ранг, контролёром является прямой объект.

Поскольку согласовательные показатели 3 лица не противопоставлены по числу, в этом случае нет способа различить, какой из актантов контролирует согласование. Поэтому последнее правило действует только для локуторов.

Следует также обратить внимание на то, что правила согласования не проводят различий между эргативными ядерными актантами и дативными экспериенцерами, т. е. последние с точки зрения согласования являются подлежащими:

- (8) dam *murad* *ʔulh-i-d*
 я.DAT М. [М]видеть.PFV-PRET-1
 ‘**Я** увидел Мурада’.
- (9) *murad.li-j* du *ulh-i-d*
 М.-DAT я [М]видеть.PFV-PRET-1
 ‘Мурад **меня** увидел’.

Поэтому для целей настоящей статьи термины *эргативное подлежащее*, *эргативное согласование*, *согласование по агенсу* и под. будут относиться как к эргативным, так и дативным подлежащим переходных глаголов.

3. Гипотеза обратного контроля

3.1. Тантыньские данные

Система согласования в большинстве диалектов подчиняется похожим правилам (см. тж. [Евстигнеева, настоящий сборник], о чирагском). В то время, как личные иерархии обнаруживают значительную вариативность, классное согласование всегда ориентировано на абсолютивный актант. Однако в некоторых диалектах последнее правило в отдельных случаях нарушается. Прежде всего, речь идёт о показателе классного согласования на связке. В работе [Сумбатова 2014] было показано, что в тантынском даргинском (согласовательная система которого в целом идентична аштынской) связка⁵ может согласовываться по классу как с абсолютивом, так и с эргативом:

(10a) $\boxed{\text{murad-li}}$ $t'ant'i-b$ $qali$ $b-irq'-u.le$ $sa-j$
 M.-ERG T.[IN]-N дом N-строить.IPFV-CVB COP-M

(10б) murad-li $t'ant'i-b$ \boxed{qali} $b-irq'-u.le$ $sa-b$
 M.-ERG T.[IN]-N дом N-строить.IPFV-CVB COP-N
 'Мурад строит дом в Танты'.

По обобщению, приводимому в работах [Сумбатова 2014; Сумбатова, Ландер 2014], в качестве контролёра классного согласования на вспомогательном глаголе выбирается наиболее топикальный из двух ядерных актантов. Впрочем, не вполне ясно, имеется ли в виду топик в информационной структуре предложения или дискурсивный топик. С одной стороны, в своей исходной формулировке [Сумбатова, Ландер 2014: 453] авторы скорее имеют в виду первый вариант, хотя прямо об этом не сказано. С другой стороны, перед лицом очевидно противоречащих этому утверждению примеров (например, предложений, где вариативное согласование наблюдается в зависимых нефинитных клаузах, которые едва ли могут иметь собственную информационную структуру) они всё же признают, что скорее речь идёт о теме эпизода [Сумбатова, Ландер 2014: 478]. Поскольку подлежащее чаще всего представляет собой как дискурсивный топик, так и

⁵ В отличие от аштыньского и кубачинского, в тантынском связка *sa-b* может использоваться не только в 3-м лице, но и в других лицах, в сочетании с соответствующими личными показателями.

топик предложения, такой анализ правильно предсказывает, что вариантом «по умолчанию» является субъектное согласование, чего в языке, где классное согласование обычно ориентировано на абсолютивный актант, не ожидается.

Важно, что в тантынском оба варианта, по-видимому, возможны даже в том случае, если один из аргументов является локутором, хотя в этом случае согласование по нелокутору всё же требует некоторой «эмфазы на абсолютивной группе» [Сумбатова, Ландер 2014: 455]:

(11) $\boxed{\xi a^{\circ}li}$ *rurs:i* *quli-r* *r-alt-un.ne* *sa-j=de*
 ты:ERG девочка в.доме-F F-оставить.IPFV-CVB COP-M=2SG
 ‘Ты оставляешь дочку дома’.

(12) $\xi a^{\circ}li$ $\boxed{rurs:i}$ *quli-r* *cun-ne*
 ты:ERG девочка в.доме-F ТОЛЬКО-ADV
r-alt-un.ne *sa-r=de*
 F-оставить.IPFV-CVB COP-F=2SG
 ‘Ты оставляешь **дочку** дома одну’.

В чём именно заключается эта *эмфаза*, авторы, к сожалению, не уточняют. Очевидно, эмфаза связана с использованием наречия *cunne* ‘только’, но не очень понятно, каким образом это усиливает топикальность абсолютивного актанта. Как бы то ни было, данные примеры демонстрируют, что контролёр классного согласования на вспомогательном глаголе определяется независимо от контролёра личного согласования. К сожалению, сведений о том, что происходит, если оба актанта являются локуторами, в работах по тантынскому языку не содержится.

Следует заметить, что вопрос о факторах, влияющих на выбор контролёра классного согласования связки, пока окончательно не решён не только для тантынского, но и для других даргинских языков. В литературном даргинском Х. ван ден Берг [van den Berg 2001] также связывает выбор контролёра с топикальностью, однако, как показывает Д. С. Ганенков [Ganenkov, в печати], такое обобщение сталкивается с рядом контрпримеров, причём как при дискурсивном, так и при «информационно-структурном» понимании топикальности. Очевидно, что информационная структура здесь играет роль, но эта роль не описывается

в таких простых терминах, как контроль со стороны наиболее топикального актанта.

Несмотря на это, как кажется, согласование связки можно до определённой степени исследовать как исключительно синтаксический феномен без привязки к конкретной семантической или прагматической её трактовке. Об этом говорят и Н. Р. Сумбатова и Ю. А. Ландер, указывая, что «контролер связки — несомненно синтаксическая сущность, которая далеко не всегда имеет однозначную семантическую интерпретацию» [Сумбатова, Ландер 2014: 458]. Подобного подхода я буду придерживаться и в настоящей работе, для целей которой факторы, влияющие на выбор контролёра согласования, не имеют решающего значения.

3.2. Предлагаемый анализ

Решение, которое предлагает Н. Р. Сумбатова, состоит в разделении клаузы на два уровня, вершиной одного из которых, верхнего, является вспомогательный глагол, а вершиной другого, нижнего, — смысловой глагол. При этом на верхнем уровне клаузы имеется отдельная позиция абсолютного подлежащего вспомогательного глагола. Эта позиция всегда заполняется нулевым местоимением, которое обратно контролируется либо подлежащим, либо прямым объектом нижнего уровня⁶:

(13) эргативное согласование (= 10а)

[Δ_i (ABS) [**murad-li**_i t'ant'i-b qali b-irq'-u-le]=sa-j]

(14) абсолютное согласование (= 10б)

[Δ_i (ABS) [murad-li t'ant'i-b **qali**_i b-irq'-u-le]=sa-b]

Это позволяет считать, что «эргативное» классное согласование связки, как будто бы нарушающее все правила, на самом деле им полностью соответствует: вспомогательный глагол согласуется не с эргативным актанта (нижнего уровня) напрямую, а с собственным абсолютным подлежащим, кореферентным этому актанту.

В тантыньском имеется также дополнительное независимое подтверждение этого анализа, связанное с поведением адверби-

⁶ Символ Δ используется в работе [Сумбатова, Ландер 2014], откуда взяты схемы в (13) и (14).

альных элементов. Общее правило в даргинских языках, включая тантынский, состоит в том, что адвербиалы (наречия и имена в локативных формах), имеющие позицию для классного согласования, согласуются, как и другие элементы, по абсолютивному актанту клаузы. Однако в тантынском эти слова могут также согласовываться по эргативному актанту, но только в случае, если они занимают крайне левую или крайне правую позицию в клаузе:

- (15) [ma^hha^hmmad.li.š.u-w / -b [rasul-li dig
 у.Магомеда-М -N P.-ERG мясо
 B-UK:-UN.NE] =SA-J]
 N-есть.IPFV-CVB COP-M
 ‘У Магомеда Расул ест мясо’. [Сумбатова 2014]

В рамках анализа Н. Р. Сумбатовой это явление легко объясняется, если считать, что такие обстоятельства присоединяются на верхнем уровне клаузы, содержащем связку. В этом случае они, как и вспомогательный глагол, согласуются с абсолютивным элементом в своей области согласования, то есть, в данном случае, с нулевым актантом связки, кореферентным либо подлежащему, либо прямому объекту нижнего уровня. Как и в случае с согласованием вспомогательного глагола, гипотеза обратного контроля позволяет описать это явление, не прибегая к постулированию особых правил согласования⁷.

Таким образом, гипотеза обратного контроля не только адекватно описывает тантынские данные, но также связывает друг с другом несколько на первый взгляд независимых явлений. При этом, однако, в предшествующих работах были проверены не все предсказания, которые делает данная гипотеза. В настоящей статье она будет протестирована на материале аштынского даргинского. Поскольку аштынская система в целом практически идентична тантынской, такое сравнение выглядит достаточно оправданным. Полученные мною результаты показывают, что

⁷ Может показаться, что допущение эргативного согласования для связки — не такая уж большая цена по сравнению с постулированием обратного контроля в каждой предикации. Однако для адвербиалов такое решение уже не кажется естественным: пришлось бы считать, что одни и те же слова согласуются по разным правилам в зависимости от линейной позиции, что несколько необычно.

многие из предсказаний гипотезы обратного контроля в аштынском не выполняются, и она для этого диалекта является, как минимум, избыточной.

4. Эргативное классное согласование в аштынском

4.1. Предварительные замечания

При практически полном морфологическом и содержательном тождестве аштынской и тантынской систем согласования, между ними имеется важное различие, которое усложняет исследование классного согласования в аштынском. Это различие состоит в том, что в этом диалекте, в отличие от тантынского, связка *sa-b* не только не может использоваться в 1 и 2 лицах, но также и отсутствует в большинстве глагольных парадигм в 3 лице, за исключением отрицательных форм:

- (16) *du w-ax-ul=da* / **sa-w=da*
я М-идти.IPFV-PRS=1 COP-M=1
'Я иду'.
- (17) *u w-ax-ul=di* / **sa-w=di*
ты М-идти.IPFV-PRS=2 COP-M=2
'Ты идёшь'.
- (18) *murad w-ax-ul* (**sa-w*)
М. М-идти.IPFV-PRS COP-M[3]
'Мурад идёт'.
- (19) *murad w-ax-ul* *a-sa-w*
М. М-идти.IPFV-PRS NEG-COP-M[3]
'Мурад не идёт'.

Это означает, что формы, для которых можно проверить классное согласование вспомогательного глагола, ограничены 3 лицом при отрицании, чего, очевидно, для полноценного анализа недостаточно.

При этом в аштынском, как и во многих других даргинских языках, имеется дополнительный набор аналитических форм, в котором в качестве вспомогательного глагола используются так называемые экзистенциальные связки⁸. Такие формы кодируют

⁸ Об особенностях употребления этих форм см. [Сумбатова 2010].

одновременно с самим событием его положение в пространстве относительно говорящего. Всего в аштынском четыре экзистенциальных глагола; все они состоят из дейктической основы и классного показателя (*le* ‘рядом с говорящим или слушающим’, *te* ‘вдали от говорящего и слушающего в одной плоскости с ними’, *k'e* ‘вдали от говорящего и слушающего, вверх’, *xe-b* ‘вдали от говорящего и слушающего, вниз’). 1 и 2 лицо у экзистенциальных глаголов кодируются личными показателями энклитического набора (=da, =di), 3 лицо не маркировано. Аналитические формы с экзистенциальными связками устроены идентично соответствующим формам с обычными энклитическими личными показателями, т. е. состоят из нефинитной формы (как правило, деепричастия) и вспомогательного глагола, например:

(20) *murad ʔuqʰ-un li-w*
 М. [М]идти-PCVB быть-М[3]
 ‘Мурад **идёт**’.

(21) *du ʔuqʰ-un li-w=da*
 я [М]идти-PCVB быть-М=1
 ‘Я **иду**’.

Экзистенциальные аналитические формы маркированы по сравнению с обычными парадигмами: так, экзистенциальный прогрессив употребляется только при необходимости подчеркнуть совершение действия в данный момент в конкретной точке пространства, а также в других специальных контекстах [Сумбатова 2010]. Однако такие формы всё же достаточно распространены и могут использоваться для диагностики свойств классного согласования. Их использование имеет также то дополнительное преимущество, что классный показатель на вспомогательном глаголе имеется во всех лицах.

Кроме того, в работе [Сумбатова 2014] показано, что экзистенциальные формы в тантынском в плане личного согласования ведут себя точно так же, как обычные аналитические формы. Насколько можно судить, то же относится и к аштынскому материалу. Так, формы экспериентива и квалиатива, в которых в качестве нефинитного компонента используется причастие, в отличие от остальных неэкзистенциальных аналитических форм,

присоединяют в 3 лице связку, и их синтаксис не отличается в релевантных аспектах от синтаксиса экзистенциальных форм⁹:

(22) *murad-li mašin b-i:s-u li-w / li-b*
 М.-ERG машина N-продать.IPFV-PCVB быть-М быть-Н
 ‘Мурад продаёт машину’.

(23) *murad-li mašin {b-i:s-u-zi-w sa-w} /*
 М.-ERG машина N-продать.IPFV-PCVB-ATTR-М COP-М
*{b-i:s-u-zi-b sa-b}*¹⁰
 N-продать.IPFV-PCVB-ATTR-Н COP-Н
 ‘Мурад — продавец машин’.

4.2. Согласование вспомогательного глагола

4.2.1. Третье лицо. Как и в тантынском, вспомогательный глагол в аштынском диалекте может в 3 лице получать согласование по эргативному актанту:

(24) *rasul-li* *pat'imat j-u:s-u li-j / li-w*
 Р.-ERG II. F-ловить-PCVB быть-F быть-М
 ‘Расул ловит Патимат’.

Как и в тантынском, согласование вспомогательного глагола в этом случае, по-видимому, ориентировано на топиальность — на это указывают суждения информантов, интерпретирующие пример (24) как предложение «о Расуле» при эргативном контроле и как предложение «о Патимат» при абсолютивном контроле. К сожалению, для аштынского диалекта пока что приходится ограничиваться лишь интуицией носителей, т. к. число форм с классным согласованием на вспомогательном глаголе в естественных текстах исключительно мало и недостаточно для проверки гипотезы о топиальности.

⁹ В причастных аналитических формах классный показатель на атрибутивном суффиксе должен совпадать с классным показателем на вспомогательном глаголе. Поэтому теоретически их также можно было бы использовать для тестирования согласования в 1 и 2 лицах. Однако эти формы в аштынском имеют ещё более узкую семантику, чем экзистенциальные, и поэтому использование последних предпочтительнее.

¹⁰ Фигурные скобки вокруг цепочки слов в примере означают, что эта цепочка слов интерпретируется, как единый элемент в сфере действия таких операторов, как дизъюнкция (символ «/») и т. д.

Для этой цели, однако, имеет смысл привлечь кубачинские данные. В отличие от аштынского диалекта, в собственно кубачинском связка в 3 лице используется во всех аналитических формах. Кроме того, на кубачинском языке имеется достаточно большое число опубликованных текстов — гораздо большее, чем на аштынском. Из текстов о Мулле Насреддине [Шамов 1994] видно, что в подавляющем большинстве переходных клауз вспомогательный глагол в 3 лице согласуется по эргативному актанту, как в следующем примере:

- (25) *sa* *χamis be* *xunul.li-dil* *malla* *bazar.ri-že*
 один четверг жена-ERG Мулла базар-SUPER[LAT]
w-at.kat:.ag-ib=sa-j *dark-ne*
 М-послать.PFV-PTCP=COP-F пряжа-PL
d-is-aq-ij
 NPL-продать-CAUS-INF
 ‘В один четверг **жена** послала Муллу [Насреддина] на базар
 продать пряжу’.

Во всех случаях, когда согласование контролирует абсолютный актант, он является топиком эпизода:

- (26) *jiš.te* *χulžin* *d-ač:.ib* *k^wi<d>ič.ib.li=sa-d* *malla.c:e*
 эти сумка NPL-найдя вернули<NPL>=COP-NPL мулле
 ‘Найдя сумку, они вернули **её** мулле’.

Пример (26) относится к конечному фрагменту текста, где описывается судьба сумки, ранее украденной у Муллы. Подлежащее *jišt:e* ‘они’ обозначает жителей селения Амузги; этот референт для нарратива не существен. Следовательно, топиком оказывается ИГ *χulžin* ‘сумка’, которая и контролирует классное согласование связки.

- (27) *du-dil* *ha.ʔ.ila-žu-d* *si.k'al.dix* *ʔa:ʔa-dil*
 я-ERG сказанный-ATTR-NPL что-то курица-ERG
DUČ:I.AL *HAʔ.IB-ŽU-D=SA-D*
 ночью сказавший-ATTR-NPL=COP-NPL
 {Мулла, как же так получилось, что ты даже слова не сказал,
 а судья тебя оправдал?} ‘За меня **всё** ещё вечером сказала
 курица’.

Выбор контролёра согласования в (27) легко объясняется исходя из информационной структуры. Мулла указывает на тот факт, что ночью он дал курицу судье в качестве взятки. В контексте вопроса судьи и этого ответа, курица явно не является топиком, которым скорее следует считать муллу или же само событие его оправдания.

(28a) *wah, malla, si uk'.u.t.nu, allah-le duna*
 вах мулла что ты.говоришь Аллах-ERG мир
e:k bac.le a-sa-b=q'al,
 шесть за.месяцев NEG-COP-N=PTCL
e:k.il sa-b b-a:q'-ib-zi-b
 шесть.дней COP-N N-сделавший-ATTR-N
 'Эй, Мулла, о чём ты говоришь. Не за 6 месяцев, а за 6 дней построил Аллах этот мир'.

(28б) *e:k.il b-a:q'-ib-zi-w=saw b-uk'.ne*
 шесть.дней N-сделавший-ATTR-M=COP-M N-что.сказано
dammi=ja=q'el b-ak'u.q'a.nnu
 мне=тоже=PTCL N-известно
 'Я тоже знаю, что он сотворил мир за шесть дней'. {... но неужели вы все поверите, если я буду это утверждать?}

Предложения в (28) взяты из одного и того же текста. В (28a) содержится возмущённое восклицание набожного прихожанина мечети в ответ на проповедь, в которой Мулла утверждал, будто Бог сотворил мир за семь месяцев. Здесь топиком является мир и хронология его сотворения, он же, находясь в позиции абсолютива, контролирует согласование. Предложение в (28б) представляет собой ответ Муллы; в этом ответе последний цитирует традиционное библейское и кораническое утверждение «Бог сотворил мир за шесть дней». Последнее видно из использования масдара глагола 'сказать' *b-uk'-ne* в качестве подчинительного союза. Этот традиционный нарратив посвящён Богу и его действиям, а не миру как таковому, что объясняет согласование по эргативу.

Конечно, данные таких текстов сложны для интерпретации и не могут однозначно свидетельствовать в пользу той или иной трактовки материала. Однако они позволяют сказать, что выбор контролёра согласования связки в аштынском в целом определяется примерно теми же факторами, что и в тантынском.

4.2.2. *Локуторы*. Как видно из предшествующего обсуждения, в случае, если оба актанта относятся к 3 лицу, ничто в аштынских данных не противоречит гипотезе обратного контроля. Однако, если один из актантов является локутором, но другой им не является, то согласование возможно только с локутором:

(29a) $\boxed{di-l}$ *pat'imat j-u:s-u* *li-w=da /*
 я-ERG П. F-ловить.IPFV-PCVB быть-М=1
**li-j=da / *li-w / *li-j*
 быть-Ф=1 быть-М быть-Ф
 'Я (м.) ловлю Патимат.' (1 > 3)

(29б) *pat'imat-li* \boxed{du} *u:s-u* *li-w=da /*
 П.-ERG я [М]ловить.IPFV-PCVB быть-М=1
**li-j=da / *li-w / *li-j*
 быть-Ф=1 быть-М быть-Ф
 'Патимат ловит **меня** (м.)'.

Если оба актанта являются локуторами, классное согласование на вспомогательном глаголе возможно только по прямому объекту (абсолютивному актанту):

(30a) *di-l* \boxed{u} *j-u:s-u* *li-j=di /*
 я-ERG ты F-ловить.IPFV-PCVB быть-Ф=2
**li-w=di / *li-w=da / *li-j=da*
 быть-М=2 быть-М=1 быть-Ф=1
 'Я (м.) **тебя** (ж.) ловлю'.

(30б) *u-dil* \boxed{du} *u:s-u* *li-w=da /*
 ты-ERG я [М]ловить.IPFV-PCVB быть-М=1
**li-j=da / *li-j=di / *li-w=di*
 быть-Ф=1 быть-Ф=2 быть-М=2
 'Ты (ж.) ловишь **меня** (м.)'.

Иначе говоря, в том случае, если один из актантов является локутором, контролёр классного согласования на вспомогательном глаголе должен совпадать с контролёром личного согласования: в (29) — с единственным актантом-локутором; в (30) — с абсолютивным актантом.

Гипотеза обратного контроля не предсказывает подобное распределение. Если бы классное согласование контролировалось

нулевым абсолютивным актантом, анафорически связанным с ИГ на нижнем уровне клаузы, между классным и личным согласованием не ожидалось бы прямой связи. При этом, если (29) можно было бы объяснить через большую «ингерентную топикальность» локуторов по сравнению с нелокуторами, подобное объяснение не работает для (30). Никак нельзя сказать, чтобы прямой объектокутор в каком-либо смысле был при прочих равных условиях более топикален, чем подлежащее-локутор. Напротив, согласование по абсолютиву в этом случае прямо противоречит тому, что мы наблюдаем в 3 лице, где наименее маркированным вариантом является согласование по подлежащему.

Таким образом, из приведённых выше примеров видно, что во всех случаях, когда контролёр личного согласования однозначно маркирован, классное согласование на вспомогательном глаголе должно контролироваться той же именной группой. По-видимому, это указывает на то, что и в 3-м лице, где контролёр согласования прямо не выражен, конкуренция между классным согласованием по эргативу и абсолютиву не связана с каким-то особым синтаксическим механизмом, а подчиняется тем же синтаксическим ограничениям, что и личное согласование в других случаях.

4.3. Согласование наречий

Даже если данные классного согласования в аштынском диалекте заставляют нас отказаться от гипотезы обратного контроля, остаётся проблема эргативного согласования периферийных адвербиалов. Последние в аштынском, как и в тантынском, могут согласовываться по подлежащему переходного глагола:

- (31) *wac'a-c:i-w* / *wac'a-c:i-j* *rasul-li pat'imat*
 лес-INTER-M[ESS] лес-INTER-F[ESS] P.-ERG П.
j-u:s-u *li-w*
 F-лова быть-М
 'В лесу **Расул** ловит **Патимат**'.

Однако, по-видимому, это явление никак напрямую не связано с согласованием вспомогательного глагола. Гипотеза обратного контроля предсказывает, что наречия могут согласовываться по эргативному актанту только в том случае, если вспомогательный глагол также согласуется по этому актанту. Действительно, поскольку всякий адвербиал, находящийся на левом или правом

крае клаузы, может синтаксически быть адьюнктом как к верхнему, так и нижнему уровню клаузы, абсолютное согласование должно всегда быть доступно. Напротив, эргативное согласование должно быть доступно только тогда, когда «нулевой абсолютив» на верхнем уровне кореферентен эргативному актанту. Последнее обстоятельство должно с необходимостью вызывать также и эргативное согласование вспомогательного глагола.

В аштынском это предсказание не выполняется. Эргативное согласование на «периферийных» адвербиалах возможно даже тогда, когда вспомогательный глагол согласуется по абсолютиву:

- (32) *wac'a-c:i-w* / *wac'a-c:i-j* *rasul-li pat'imat*
 лес-INTER-M[ESS] лес-INTER-F[ESS] P.-ERG П.
j-u:s-u *li-j*
 F-лова быть-М
 'В лесу **Расул** ловит **Патимат**'.

В этом примере вспомогательный глагол согласуется по женскому классу с абсолютивным актантом. С точки зрения гипотезы обратного контроля это означает, что нулевой абсолютив на верхнем уровне клаузы кореферентен нижнему прямому объекту. Это должно было бы сделать эргативное согласование периферийных наречий невозможным, однако в этом примере оно не менее грамматично, чем в примерах вроде (31).

Поэтому, хотя данное явление и представляет самостоятельный интерес, оно, по-видимому, никак не связано с проблемой классного согласования вспомогательного глагола. Каким бы ни было объяснение, оно должно быть другим. В качестве предварительной гипотезы можно предположить следующее: адвербиал, согласующийся с эргативным актантом, возглавляет собственную отдельную вторичную предикацию с нулевой позицией для подлежащего ('∅ будучи в лесу...'). В таком случае подлежащее адвербиала анафорически контролируется одним из участников главной клаузы, как и в случае с деепричастиями [Belyaev 2010], контролёром может быть как подлежащее, так и прямой объект. Этот анализ отчасти подтверждается тем, что носители аштынского диалекта предпочитают при эргативном согласовании использовать адвербиал вместе с суффиксом темпорального конверба *-mu:til* 'когда', который как правило является глагольным

показателем. То есть, например, в (31) и (32) предпочтителен вариант *wac'a-c:i-w-mu.til* (лес-INTER-M[ESS]-когда) 'когда в лесу' вместо обычного *wac'a-c:i-w* 'в лесу'.

Следует подчеркнуть, что эта гипотеза является лишь одним из возможных объяснений, и в настоящее время у нас недостаточно данных, чтобы подтвердить её или опровергнуть. Для настоящей статьи важно лишь то, что согласование адвербиалов не имеет отношения к согласованию вспомогательного глагола и, следовательно, не может быть использовано в качестве аргумента в пользу гипотезы обратного контроля или против неё.

4.4. Обобщение

Из вышесказанного можно заключить, что в аштынском отсутствуют положительные данные в пользу гипотезы обратного контроля. Скорее общее правило можно сформулировать следующим образом: контролёр классного согласования на вспомогательном глаголе должен совпадать с контролёром личного согласования¹¹. Это верно для всех случаев, когда локуторы конкурируют с нелокуторами или два локутора конкурируют друг с другом. Если этот принцип экстраполировать на 3 лицо, то получится, что контролёры 3 лица должны быть расщеплены на 2 класса, что даёт следующие три правила:

- **локутор vs. нелокутор**: выбирается **локутор**
- **локутор vs. локутор**: выбирается **пациенс**
- **нелокутор vs. нелокутор**: выбирается **топик**

В терминах личной иерархии это может быть описано путём расщепления 3-го лица на два «лица»: топикальное и нетопикальное 3 лицо. Это позволяет нам сохранить сформулиро-

¹¹ Вообще говоря, похожее объяснение, с поправкой на терминологию, содержится в грамматике [Магометов 1963: 155]. А. А. Магометов не проводит различия между личным согласованием с одной стороны и классным согласованием вспомогательного глагола — с другой. Оба явления рассматриваются в терминах «действительного залога», если они контролируются подлежащим, и «страдательного залога», если они контролируются прямым объектом.

ванное выше правило личного согласования, лишь расширив личную иерархию:

- **Лицо:** $1, 2 > 3_{\text{ТОР}} > 3$
- **Грамматические отношения:** $P > A$

Если топикальное 3 лицо назвать *проксимативом* и обозначить его как «3», а нетопикальное 3 лицо назвать *обвиативом* и обозначить его как 3', аштынское личное согласование представляет собой типичную проксимативно-обвиативную систему, хорошо известную типологически, в особенности в языках Северной Америки. Примером может служить западный кри, язык алконгинской группы, чья проксимативно-обвиативная система описана в работе [Aissen 1997]. В этом языке один из ядерных актантов является проксимативным (оставаясь морфологически немаркированным), тогда как другой получается специальный показатель *обвиатива*¹²:

(33) *Pakamahwe-w* *na-pe-w* *atimwa*
ударить(3–3') человек(3) собака(3')
'Человек ударяет собаку'. [Aissen 1997: 707]

Выбор проксимативного или обвиативного маркирования зависит не от грамматической роли, а от ряда прагматических факторов, которые Дж. Айсен описывает, как «what is variously described as topicality, focus of interest, prominence, etc.» [Там же]. Дифференциация актантов в западном кри происходит на основании согласования, которое — что также типично для подобных языков — представляет собой директивно-инверсивную систему. Директивное маркирование на глаголе (как в 33) используется в случае, если агенс выше пациенса на личной иерархии $1/2 > 3 > 3'$, инверсивное — в обратном случае.

Нетрудно видеть, что в том, что касается согласования, аштынская система очень похожа на систему западного кри. Важное отличие от типичной проксимативно-обвиативной модели состоит в том, что в аштынском расщепление 3 лица проявляется

¹² В этом и следующих примерах на обвиативные системы сохранены транскрипция и глоссы оригинала, которые не всегда соответствуют Лейпцигским правилам.

исключительно в системе согласования и никак не маркируется на именных группах. Такая ситуация, однако, также не является уникальной и имеет место в некоторых системах, описываемых в литературе как директивно-инверсивные или проксимативно-обвиативные. Так, в языке чепанг (тибето-бирманские) зависимость маркирования участников производится по эргативной модели, при этом глагол маркируется как директивный или инверсивный в зависимости от того, является ли агенс 3 лица более топиальным, чем пациенс 3 лица [Thompson 1994: 54]:

(34a) *pu'-nis-'i* *bəh-kay həw*
старший.брат-DU-AGT дядя-GL младший.брат
dak-'aka-c-u
отвести-TNS-DL-DIR
'Два брата отвели младшего брата к их дяде'.

(34б) *pu'-nis-'i* *bəh-kay həw*
старший.брат-DU-AGT дядя-GL младший.брат
dak-'aka-c-thəy
отвести-TNS-DL-DIR
'Два брата отвели младшего брата к их дяде'.

Эти примеры идентичны во всём, за исключением директивно-инверсивного маркирования на глаголе. Ч. Томпсон указывает, что определяющим фактором является именно относительная дискурсивная топиальность участников, и подтверждает это при помощи подсчётов частотности по текстам.

Факторы, влияющие на выбор проксимативного или обвиативного оформления актантов, в типологической перспективе довольно разнообразны. Основная граница проходит между *прагматическими* и *семантическими* системами [Givón 1994: 22–24]. В системах первого типа проксимативным ставновится актанта, имеющий более топиальный статус в дискурсе. В системах второго типа маркирование определяется не контекстом, а семантическими свойствами самих актантов: их относительной позицией на иерархии одушевлённости, определённостью и т. п. В этом отношении аштынская система, по-видимому, принадлежит к прагматическому типу, хотя, как было указано выше, вопрос о семантической мотивации классного согласования связки пока не имеет удовлетворительного решения. Следует, впрочем, заме-

тить, что совершенно аналогичные сложности возникают и при описании проксимативно-обвиативных систем и иных синтаксических конфигураций, допускающих вариативность в зависимости от сочетания нескольких семантических и прагматических факторов (например, дифференцированное маркирование прямого объекта, расщеплённая непереходность и т. п.).

5. «Личное» и «классное» согласование

Сделанное в предшествующем разделе обобщение представляет собой некоторую проблему для традиционного подхода к согласованию в даргинских языках. В рамках данного анализа получается, что «личное» (т. е. иерархическое) согласование может быть связано не только с признаками числа и лица, но и с признаком грамматического класса. Следовательно, приходится отказаться от простых правил для личного и классного согласования в целом; вместо этого тип согласования (иерархическое или абсолютное) указывается для каждого показателя отдельно.

Однако хорошо известно, что как минимум термин «классное согласование» для нахско-дагестанских языков достаточно условен. В частности, показатели «классного» согласования могут кодировать лицо, как было показано в работе [Corbett 2013] для арчинского языка. Такое же явление наблюдается в даргинских языках, включая аштынский. Оно состоит в том, что для согласования с актантом 1 или 2 лица множественного числа используется показатель неодушевлённого грамматического класса *-d-* вместо ожидаемого *-b-*:

- (35) *rasul.li.j [du] j-ylh-i-d*
 P.DAT я F-увидеть.PFV-PRET-1
 ‘Расул **меня** (ж.) увидел’.
- (36) *rasul.li.j [nus:a] d-ylh-i-d-a /*
 P.DAT мы 1PL-увидеть.PFV-PRET-1-PL
 **b-ylh-i-d-a*
 HPL-увидеть.PFV-PRET-1-PL
 ‘Расул **нас** увидел’.
- (37) *rasul.li.j [du=ba murad] d-ylh-i-d-a /*
 P.DAT я=и М. 1PL-увидеть.PFV-PRET-1-PL

**b-ɯlh.i-d-a*

HPL-увидеть.PFV-PRET-1-PL

‘Расул увидел **меня** и **Мурада**’.

В [Кибрик и др. 1977] это явление описывается путём постулирования особых согласовательных классов, в которые входят местоимения 1 и 2 л. Г. Корбетт, однако, показал, что такое описание некорректно: показатель *-d-* используется даже в том случае, если грамматические признаки 1 л. мн. ч. не заданы лексически, а синтаксически вычисляются в сочинительной группе. Это видно из примера (37); в отсутствие лексем ‘мы’ или ‘вы’ глагол всё равно получает показатель *-d-*, следовательно, мы должны признать, что показатели «классного согласования» в этом языке во множественном числе действительно маркированы по лицу. В противном случае введение в систему дополнительных классов влечёт постулирование избыточно сложных правил согласования.

Симметричным образом мы можем считать, что показатели типа *sa-b*, обозначая «личное» (иерархическое) согласование, кодируют как лицо, так и число. Вопрос о том, какие именно категории контролёра отражаются на согласовательном показателе, оказывается чисто морфологическим и не имеет отношения к собственно синтаксическому механизму согласования. Предлагаемое решение можно проиллюстрировать следующим образом:

(38) $\overbrace{di-l \quad \boxed{pat'imat} \quad \boxed{j-us-ip:i=da}}$
 я-ERG II. F-поймать.PFV-PRF=1
 ‘Я поймал Патимат.’

(39) $\overbrace{di-l \quad \boxed{pat'imat} \quad \boxed{j-u:s-u} \quad li-w=da}$
 я-ERG II. F-поймать.IPFV-PTCP EXST-M=1

Вспомогательный глагол / личный показатель всегда связан отношением согласования с «иерархическим» контролёром, то есть, в данном случае, с эргативным агенсом. Префиксальная позиция смыслового глагола согласуется с абсолютным актантом. При этом в (36) смысловой глагол кодирует только признаки лица и числа, а в (37) он также дополнительно кодирует грамматический класс. Таким образом, *синтаксический* механизм согласования остаётся

неизменным; вариативность наблюдается в том, какие грамматические категории выражает согласовательный показатель.

Следовательно, термины «личное» и «классное» согласование являются лишь удобными ярлыками для двух систем согласования, различающихся по морфологическому кодированию и синтаксическому механизму выбора контролёра, но не привязанных к конкретным грамматическим признакам: «классные» показатели могут выражать лицо, а «личные» показатели — включать в себя позиции для маркеров грамматического класса, которые привязаны к актанту, выбранному как контролёр в соответствии с личной иерархией.

6. Заключение

В статье было рассмотрено нестандартное классное согласование в аштынском даргинском. Аштынские данные не подтверждают анализ в терминах обратного контроля, ранее предложенный для тантынского. Доступно более простое объяснение, в рамках которого классное согласование на вспомогательном глаголе выражает грамматический класс ИГ-контролёра личного согласования. Таким образом, требуется лишь модифицировать личную иерархию, управляющую личным согласованием, расщепив 3-е лицо на две подкатегории: топикальное 3-е лицо (собственно «3») и нетопикальное 3-е лицо («3'»). Тогда личная иерархия для аштынского будет иметь следующий вид: $1, 2 > 3 > 3'$; правило согласования остаётся неизменным: из ядерных актантов выбирается участник с наивысшим рангом, если ранг участников равен, — абсолютивный актант.

Дополнительным преимуществом этого анализа является его типологическая мотивированность. Расщепление 3 лица на основании топикальности довольно широко распространено в языках мира и известно под термином *обвизация* (*obviation*). В частности, расщепление согласования по этому признаку типично для языков с иерархическими системами согласования или ролевого маркирования. Такая трактовка аштынской системы вписывает её в типологический контекст и позволяет описывать

в ряду других похожих систем, широко распространённых в различных ареалах¹³.

Список условных сокращений

ATTR — атрибутив; CAUS — каузатив; COP — связка; CVB — деепричастие; DAT — дательный падеж; ERG — эргатив; ESS — эссив; F — грамматический класс женщин; IN — локализация внутри полости среды; INF — инфинитив; INTER — локализация внутри сплошной среды; IPFV — несовершенный вид; LAT — латив; M — грамматический класс мужчин; N — грамматический класс животных и неодушевлённых объектов; NEG — отрицание; PCVB — причастие-деепричастие; PFV — совершенный вид; PL — множественное число; PRET — претерит; PTCL — дискурсивная частица; PTCP — причастие; SUPER — локализация 'на'.

Литература

- Гасанова 1971 — С. М. Гасанова. Очерки даргинской диалектологии. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, Ин-т истории, языка и лит-ры им. Г. Цадасы, 1971.
- Кибрик и др. 1977 — А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. П. Оловяникова, Д. С. Самедов. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 1. Лексика, фонетика. М.: Издательство Московского университета, 1977.
- Коряков 2006 — Ю. Б. Коряков. Атлас кавказских языков. М.: Пилигрим, 2006.
- Магомедов 1963 — А. А. Магомедов. Кубачинский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1963.
- Сумбатова 2010 — Н. Р. Сумбатова. Связки в даргинском языке: оппозиции и употребление // Вопросы языкознания, 5, 2010. С. 44–62.
- Сумбатова 2014 — Н. Р. Сумбатова. В поисках подлежащего: контроль классного согласования и признаки грамматического приоритета в даргинском языке // М. А. Даниэль (ред.). Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014.

¹³ Интересно заметить, что, удивительным образом, наша трактовка оказалась ближе всего к исходной интерпретации А. А. Магомедова [Магомедов 1963], которые трактовал конструкции с согласованием по эргативу и абсолютиву как активные и пассивные соответственно. По концепции Т. Гивона [Givón 1994: 9], пассив и инверсив различаются лишь степенью синтаксического и прагматического понижения агенса: большей при пассиве, меньшей в инверсивной конструкции.

- Сумбатова, Ландер 2015 — Н. Р. Сумбатова, Ю. А. Ландер. Даргинский говор селения Танты: Грамматический очерк, вопросы синтаксиса. М.: Языки славянских культур, 2015.
- Шамов 1994 — И. А. Шамов. Пригчи о мулле Насреддине. Махачкала: Издательство «Юпитер», 1994.
- Aissen 1997 — J. Aissen. On the syntax of obviation // *Language* 73 (4), 1997. P. 705–750.
- Belyaev 2010 — O. Belyaev. Coordination and subordination in Icari, Qunqi and Ashti // *Syntax of the World's Languages IV*. Lyon, 2010.
- Corbett 2013 — G. G. Corbett. The unique challenge of the Archi paradigm // *Proceedings of BLS 37*. Berkeley, CA: University of California, 2013. P. 52–67.
- Ganenkov, в печати — Dmitry Ganenkov. Gender agreement alternation in Dargwa: A case against information structure. В печати.
- Givón 1994 — T. Givón. The pragmatics of de-transitive voice: Functional and typological aspects of inversion // T. Givón (ed.). *Voice and inversion*. Amsterdam: John Benjamins, 1994. P. 3–46.
- Serdobolskaya 2010 — N. Serdobolskaya. Backward control in connection with the principles of the Binding Theory (based on the data of Qunqi Dargwa) // *Syntax of the World's Languages IV*. Lyon, 2010.
- Sumbatova 2011 — Nina Sumbatova. Person hierarchies and the problem of person marker origin in Dargwa: facts and diachronic problems // Gilles Authier, Timur Maisak (eds.). *Diversitas Linguarum*. Volume 30. Tense, aspect, modality and finiteness in East Caucasian languages. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 2011. P. 131–160.
- Thompson 1994 — Chad Thompson. Passive and inverse constructions // T. Givón (ed.). *Voice and inversion*. Amsterdam: John Benjamins, 1994. P. 47–64.